

ПОРТРЕТ В ТЕАТРАЛЬНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Рассказываем об артисте МХАТа Алексее
БОРЗУНОВЕ

Артист МХАТа Алексей Борзунов еще молод — и не только творческой молодостью волшебного перевоплощения. В его молодости — энергия и подвижность комсомольского работника, вожак молодежного коллектива театра, хотя теперь его партийный стаж насчитывает уже несколько лет.

Но молодость артиста не исключает и достоинств, приобретаемых, казалось бы, лишь с годами: продуманность каждой роли, принципиальность в выборе общественной, гражданской позиции. Ничего случайного, ничего банального, обещающего легкий успех, ничего брошенного со сцены ради внешнего эффекта. Ничего, что не выдерживало бы проверки самого строгого эстетического вкуса, высокой культуры и безупречной этики.

А. Борзунов выходит в роли Евгения Огарышева в спектакле «Репетитор» по пьесе Г. Полонского. Выходит, чтобы восстать против всяческой пошлости в душах людей, против морали меркантильных расчетов, прикрытых легким камуфляжем «житейской мудрости», чтобы всеми своими силами дать бой любой «игре на понижение ценностей», чтобы не только потрясенной Кате Батистовой (чью роль великолепно исполняет в этом спектакле актриса Е. Королева) напомнить о «звездном небе над нами и нравственном законе внутри нас», о человеческом достоинстве.

Пьеса Г. Полонского давала театру разные возможности прочтения главной роли «репетитора». В некоторых театрах на первый план выступает внешняя, необъяснимая с позиций «житейской мудрости» противоречивость поведения Евгения Огарышева: наговорил много красивых слов, а когда девушка его полюбила, вроде бы этой любви испугался, сбежал...

А. Борзунов вместе с режиссером (В. Кузнецов, руководитель постановки — В. Богомолов) и драматургом — порою в споре с ними, утверждает всем подлинным благородством поведения, отношения к человеку, всей силой живой творческой мысли те высокие нравственные ценности, которые своей незапятнанной чистотой оттеняют убожество мещанской морали, прикрытой фразой и демагогической спекуляцией на желании «делать доб-

ро» («Ты прав, прав, но от твоей правоты Кате-то что-нибудь достанется?»). Правда без копейного подсчета, правота безоглядная, не допускающая сделок с совестью — такова высокая нравственная позиция его героя.

Но Борзунов — артист не только героического плана, хотя и в «Репетиторе» и во многих радиоспектаклях, например, в роли Бориса в пьесе «Гвардии лейтенант», он убедительно раскрыл свои возможности в исполнении роли «рыцаря без страха и упрека», героя нашего времени. Многогранность дарования определяет успех этого артиста и в «характерных», комедийных ролях. Сочный юмор, заостренность гротеска вносит он в спектакль «Село Степанчиково и его обитатели» в те минуты, когда появляется на сцене в роли мальчишки-ланя Фалалея, как бы вобравшего в себя весь идиотизм лакейского существования, блистательно вскрытый Ф. Достоевским.

Причем «характерность» ролей Борзунова всегда неожиданна. В драме «Мятеж» он играет роль безногого инвалида на тележке. Вся фактура спектакля, особенно той сцены, где разъяренные инвалиды и вдовы врываются в штаб, готовые вырвать свой надел земли, позволяла играть эту роль грубо, не произносить, а выкрикивать охрипшим голосом свои резкие реплики, но Борзунов вдруг неожиданно смягчает эту, казалось бы, неизбежную грубость и резкость, вносит такое светлое, человеческое начало в образ калеки-инвалида, что вызывает у зрителя пронзительное эмоциональное переживание. Появляясь второй раз за ответом, он так пластично выражает немой вопрос, ожидание, боль и надежду, что еще раз убеждаешься в том, как много может сделать артист даже тогда, когда материал роли трудно назвать «благодарным».

А если выпадает счастье встречи с «благодарным» материалом, — талант артиста раскрывается так богато, ярко, как это случилось с Борзуновым в роли Лариски в «Днях Турбинных». Чистый, чуткий, с такой ранимой и отзывчивой душой, так остро переживающей чужую боль и радость, Ларисик-Борзунов глубоко, тонко передает лирическую историю страдающего человека, потрясенного «ужасами гражданской войны».

В творческом активе

А. А. Борзунова — десятки больших и малых ролей на сцене МХАТа. Но есть среди них одна особенно дорогая. Это роль Хлестакова в «Ревизоре» Н. Гоголя.

В единстве режиссерского (М. Кедров, Н. Ковшов, В. Невинный) и артистического труда, в контакте и в ансамбле с Л. Золотухиным (Городничий), И. Тархановым, В. Петровым, К. Ростовцевой и другими артистами, работающими с полной отдачей творческих сил, раскрывается отточенный, совершенный, изящный и умный рисунок роли. Весь блеск, весь искрящийся, сверкающий юмор бессмертной комедии Гоголя оживает на сцене. При абсолютной, можно сказать, хрестоматийной известности пьесы, в спектакле все кажется новым, свежим, все воспринимается, как открытие. Ни разу не споткнувшись о возможный порог анекдотичности, спектакль развивается динамично, внутренне сатиричный и в то же время легкий, веселый.

Вот Хлестаков впервые появляется на сцене, франтовато-изящный, капризный, чуть смущенный («престранный случай» — «поиздержался в дороге»), смертельно напуганный глухими угрозами хозяина гостиницы, но храбро хорохорящийся трусишка, и нам вдруг открывается, как паразитом он юн. И именно эта юность легко объясняет пренебрежительное отношение к своему барину его ворчливого слуги (скоре — дядьки) Осипа; она же делает предельно смешным весь чудовищный самообман городских сановников, которые по истине должны были ослепнуть от страха, чинопочитания и множества иных своих грехов, чтобы принять болтливого мальчишку за важного чиновника. В этой своей юности Хлестаков даже по-своему очарователен, и та мольбковая легкость, с какой он лжет, плурует, объясняется в любви, движется по сцене — не ходит, нет, взлетает, кружится, порхает, словно сплетает узоры легчайшего балетного кружева, — в этом сказались и индивидуальность артиста, и продуманный ключ к вскрытию глубинных пружинок комического действия гоголевской комедии. Богат внутренними метафорозами сценический образ Хлестакова. За прозрачным флером очарования четко просматривается лик авантюриста, живое олицетворение невежества, хамства и наглости.

Каждый вечер, вздрогнув, расправляются, как перед полетом, крылья чайки на золотистом занавесе. Артист выходит к людям — ему принадлежит пространство сцены, его освещают огни юпитеров; живопись, пластика декораций углубляют, делают объемным, зримым каждое слово, сказанное им. Пусть же всегда это слово будет находить эмоциональный отклик в сердцах современников.

С. ЧЕРВОННАЯ,
кандидат искусствоведения.